

## РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

Научная статья

УДК 332.14

doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.004

### ДИНАМИКА И СТРУКТУРА ВАЛОВОЙ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

**Юсиф Алимович Гаджиев**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук (ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Россия, [gajiev@iespn.komisc.ru](mailto:gajiev@iespn.komisc.ru)

**Аннотация.** Устанавливаются тенденции и факторы динамики валовой добавленной стоимости реального сектора экономики регионов Севера в условиях специальной военной операции (СВО). Актуальность обусловлена важной ролью реального сектора в возобновлении роста и развития экономики северных регионов. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проведен комплексный анализ структуры и темпов роста валовой добавленной стоимости реального сектора северных регионов. Это позволило уточнить роль реального сектора в экономике в целом. Прояснена сущность понятия и состав реального сектора экономики. Доказано, что развитие добывающей промышленности является конкурентным преимуществом северных территорий. Установлено, что темпы роста валовой добавленной стоимости реального сектора в целом по Северу обусловлены высокими темпами строительства, транспортировки и хранения, развития обрабатывающих производств. Выявлено, что глубокий спад валовой добавленной стоимости в добыче полезных ископаемых в целом по северным регионам в условиях санкционных ограничений связан с формированием новых направлений экспорта, обрабатывающих производств — с санкциями (нарушением логистики и недостатком времени на переориентацию на внутренний рынок). Высокие темпы роста в строительстве объясняются ростом жилищного строительства и строительства объектов инфраструктуры, финансированием нацпроектов и запусками проектов по добыче полезных ископаемых. Предложены практические рекомендации, направленные на обеспечение устойчивого роста валовой добавленной стоимости реального сектора, которые могут быть использованы для выработки социально-экономической политики регионов при совершенствовании механизмов достижения динамического экономического роста и повышения уровня и качества жизни населения регионов Севера. Дальнейшее изучение данного направления включает выявление перспектив экономического роста северных регионов и их возвращения на траекторию устойчивого развития в условиях санкций и нарушения производственно-технологических цепочек, определение того, как большой удельный вес отраслей реального сектора и изменения отраслевой структуры валовой добавленной стоимости отразились на состоянии основных факторов производства.

**Ключевые слова:** реальный сектор экономики, отраслевая структура, темпы роста, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, строительство, северные регионы

**Благодарности:** работа выполнена в рамках плановой темы научно-исследовательской работы ИСЭ и ЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Реальный сектор экономики северных регионов России: проблемы и перспективы» (№ 122031500421-1).

**Для цитирования:** Гаджиев Ю. А. Динамика и структура валовой добавленной стоимости реального сектора экономики северных регионов России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. № 1. С. 62–72. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.004.

## INDUSTRIAL AND SECTORAL GROWTH IN THE NORTH AND THE ARCTIC OF RUSSIA

Original article

### GROSS VALUE ADDED IN THE REAL ECONOMY OF RUSSIA'S NORTHERN REGIONS: DYNAMICS AND STRUCTURE

**Yusif A. Gadzhiev**

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia, [gajiev@iespn.komisc.ru](mailto:gajiev@iespn.komisc.ru)

**Abstract.** This article explores the trends and factors influencing the dynamics of gross value added (GVA) in the real economy of Russia's northern regions during the special military operation. The relevance of this analysis lies in the critical role of the real sector in driving economic recovery and growth in these regions. The scientific novelty of the study lies in its comprehensive analysis of the structure and growth rates of GVA in the real sector of the northern regions, marking the first such analysis. This approach improves the understanding of the real sector's role within the broader economy. The study clarifies the concept and structure of the real sector, demonstrating that the development of the mining industry represents a competitive advantage for the northern territories. The research reveals that the growth rates of GVA in the real sector during the Special Military Operation are largely driven by significant expansions in construction, transportation, storage, and manufacturing. It also shows that the sharp decline in mining GVA in the northern regions amid sanctions is linked to the need to establish new export channels, while the contraction in manufacturing GVA is attributed to logistical challenges and the inability to quickly shift to the domestic market. The rapid growth in construction is explained by increased housing and infrastructure development, the financing of national projects, and the launch of new mining ventures. Practical recommendations are provided to support sustainable growth in GVA within the real sector. These recommendations are intended to inform the development of socio-economic policies for the northern regions, focusing on improving mechanisms for achieving dynamic economic growth and improving the quality of life for local populations. Future research will further investigate the prospects for economic growth in the northern regions, particularly their potential to return to a path of sustainable development amidst sanctions and disruptions to production chains. Additionally, the study will explore how the high concentration of industries in the real sector and shifts in the industry structure of GVA have impacted key production factors.

**Keywords:** real economy, sectoral structure, growth rates, mining, manufacturing, construction, northern regions

**Acknowledgments:** This study is part of the research conducted at the Komi Science Centre's Institute of Socio-Economic and Energy Problems within the project titled "Real Economy in the Northern Regions of Russia: Problems and Prospects" (No. 122031500421-1).

**For citation:** Gadzhiev Yu. A. Gross value added in the real economy of Russia's northern regions: Dynamics and structure. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2025, no. 1, pp. 62–72. doi:10.37614/2220-802X.1.2025.87.004.

## Введение

В настоящее время российская экономика столкнулась с мощным экономическим шоком, за которым последовали отрицательная динамика ВВП и доходов и рост инфляции. Основной причиной негативных явлений стали санкционные ограничения со стороны зарубежных стран, повлекшие изменение логистики внешнего товарооборота, уход зарубежных компаний с российского рынка, нарушение производственных цепочек. Перспективы возобновления роста экономики тесно связаны с состоянием ее реального сектора. Особенно велико его значение для северных регионов России, где ключевыми отраслями экономики являются виды деятельности, связанные с добычей полезных ископаемых. Более того, в настоящее время в этом секторе в целом по регионам Севера сосредоточено более 70 % ВРП; 66,5 % основных фондов; 61 % занятых; 85,6 % инвестиций в основной капитал. Эти обстоятельства определяют необходимость тщательного исследования отраслевой структуры и темпов роста валовой добавленной стоимости (далее — ВДС или ДС) реального сектора экономики на Севере в отраслевом и региональном разрезе.

*Цель работы* — выявить тенденции и факторы динамики валовой добавленной стоимости реального сектора экономики северных регионов России. Представленные результаты дополняют уже

проведенный нами анализ реального сектора экономики Республики Коми [1]. Основным источником информации являются статистические сборники и доклады Росстата об объеме и динамике валового регионального продукта (ВРП) субъектов РФ<sup>1</sup>. В работе [2] мы также показали, что для характеристики развития реального сектора экономики можно использовать следующие макропоказатели: валовая добавленная стоимость, инвестиции в основной капитал, численность занятых, стоимость основных фондов.

## Обзор литературы

В научной литературе понятие «реальный сектор экономики» используется весьма часто. Несмотря на широкое применение, его корректное толкование до сих пор порождает дискуссию. Неоднозначность понятия мешает проведению аналитических исследований, затрагивающих как сферу производства и услуг, так и сферу финансовых взаимоотношений, и в целом пониманию рисков устойчивого развития экономики [3].

Ранее в практике статистического учета использовался баланс народного хозяйства (БНХ). В нем учитывалась лишь производственная сфера. Основой являлась методология, в соответствии с которой стоимость может создаваться лишь в производстве. В непроизводственной сфере,

<sup>1</sup> Федеральная служба государственной статистики. Валовой региональный продукт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 13.08.2024).

согласно ей, стоимость может только потребляться. Данная точка зрения сохраняется и сегодня. Например, она выражается в том, что в некоторых учебниках торговля выводится за пределы реального сектора, то есть она не включается в производственную сферу, где создается стоимость [4].

Этимологически прилагательное «реальный» восходит к латинскому слову “res”, которое означает «вещь», «предмет», что отражено и в современном английском прилагательном “real” [5]. В словаре С. И. Ожегова дается несколько схожих толкований прилагательного «реальный». Оно обозначает нечто, существующее в действительности либо отвечающее действительности, и как что-то в прямом смысле практическое [6].

Реальный сектор экономики в большинстве источников трактуется как сфера производства товаров и услуг, не включая операции в финансовом и бюджетном секторах, а краткий обзор литературы можно найти в [7]. В то же время раскрытие понятия реального сектора в различных работах имеет немало недостатков. В некоторых из них реальный сектор объединяет все отрасли материального производства, но лишь небольшую часть услуг, как правило, транспорт и торговлю [8]. Другие же работы, например [9], вовсе могут не относить сферу услуг к реальному сектору. Однако в большинстве трудов реальному сектору дается более широкое толкование, а перераспределительные транзакции из него исключаются. Так, С. Г. Кирдина считает [10], что реальный сектор состоит из всех отраслей по производству товаров и услуг, кроме тех, которые относятся к финансовой и бюджетной сферам. В экономических словарях дается определение реального сектора как объединяющего промышленное производство, сельское хозяйство и некоторые услуги [11]. Но статус торговли в рамках данного определения неясен. В более же современных схожих работах реальный сектор трактуется как множество по производству товаров и услуг, не включающее финансовый и бюджетный сектора [12].

Схожей является позиция Ю. Б. Зеленского, согласно которой реальный сектор охватывает весь сектор нефинансовых корпораций [13]. По его мнению, торговая деятельность входит в состав реальной экономики, но при этом он оставил без внимания то, как толковать виды деятельности, связанные со становлением информационной экономики. И. Б. Родина вовсе относит к реальному сектору материальное производство плюс всю сферу нематериальных услуг [14], не принимая во внимание, что в социальной сфере не создается добавленной стоимости, а методологически в целях расчета ВВП здесь учитываются только расходы. Схожий подход применен в [15], где реальный сектор

включает производство товаров, выполнение работ и оказание услуг, то есть производство как материальной, так и нематериальной продукции.

В зарубежной литературе научные работы на тему различных аспектов развития реального сектора экономики весьма малочисленны. Прежде всего это связано с иным концептуальным подходом к классификации видов деятельности — термин «реальный сектор» используется очень редко. В небольшом количестве работ зарубежных исследователей реальный сектор противопоставляется финансовому сектору. Это в наибольшей степени характерно для современных исследовательских работ эмпирического характера на материалах стран африканского континента (см., например, [16]). В подобных работах, в частности, изучается влияние притока иностранных инвестиций на рост выпуска в разрезе различных отраслей и в условиях разного уровня развития финансовой системы [17; 18]. Однако дихотомия «реальный сектор — финансовый сектор» нередко встречается в исследованиях на тему влияния кризисных ситуаций на развитие экономики, в частности на примере кризиса, вызванного вспышкой атипичной пневмонии в 2003 г. [19], или кризиса 2007–2009 гг. [20] В то же время можно встретить и работы иных характера и тематики. Например, в части развития теории интересна дифференциация кредиторов на новых и «старых», а также то, как это влияет на кредитование реального сектора [21]. В части прикладных работ изучаются направления инвестиций китайских компаний с государственным участием с точки зрения вложений в финансовый и нефинансовый сектора [22]. Внимание привлекает работа, в которой реальный и финансовый сектора не противопоставляются друг другу, а, напротив, представляются как равнозначные с точки зрения обеспечения экономического роста [23]. Кроме этого, в ряде работ анализируются природа цикличного развития финансового и нефинансового секторов экономики в странах ОЭСР (их характеристики и взаимосвязанность [24]); факторы формирования пузырей в стоимости активов вследствие связанности финансового и нефинансового секторов [25]; роль либерализации торговли и финансовых услуг и в целом глобализации в государственном управлении развитии экономики отраслей промышленности и сферы услуг (показано, что глобализация искажает влияние фискальной политики и уменьшает значимость монетарной политики) [26].

Со своей стороны, мы можем кратко сформулировать, что реальный сектор — это сектор, в котором создается валовой внутренний продукт, в том числе торговля, но при этом исключаящий операции перераспределительного характера, такие

## РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

как финансовое посредничество и государственный сектор. Данный подход в общем и целом отражается в большинстве научных работ [27–30]. Показательно, что реальный сектор анализируется отдельно от рынка финансов и области государственной политики [31; 32]. Подчеркнем, что развитие реального сектора не самоцель, а способ удовлетворения потребностей в рамках современной рыночной экономики [33].

Завершая обзор литературы по проблеме трактовки понятия «реальный сектор» подытожим, что под ним следует понимать совокупность отраслей, в которых создается валовая добавленная стоимость, кроме финансовой и социальной сферы [34]. Таким образом, состав реального сектора экономики состоит из таких видов деятельности, как: сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом, паром, кондиционирование воздуха; водоснабжение, водоотведение, организация, сбор и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений;

строительство; торговля оптовая и розничная, общественное питание; транспортировка и хранение; деятельность в области информации и связи.

**Результаты**

**Динамика отраслевой структуры валовой добавленной стоимости.** В структуре экономики северных регионов России за 2016–2022 г. произошли изменения, которые можно оценить положительно. Они заключаются в повышении доли реального сектора в валовой добавленной стоимости (табл. 1), что было связано с увеличением удельного веса добычи полезных ископаемых и обрабатывающей промышленности. Отрицательной же стороной в динамике структуры ВДС можно считать снижение в 2022 г. удельного веса большинства видов деятельности внутри реального сектора, за исключением добывающей и обрабатывающей промышленности. Это обусловлено сильнейшим негативным шоком в экономике страны вследствие введенных санкций со стороны недружественных стран.

Таблица 1

Отраслевая структура добавленной стоимости реального сектора экономики северных регионов за 2016–2022 гг., %

Отрасль	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экономика, всего	100	100	100	100	100	100	100
Реальный сектор экономики, всего	81,1	81,6	82,3	82,7	82,4	83,0	86,1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	3,0	2,9	2,9	3,0	2,9	3,0	2,0
Добыча полезных ископаемых	60,7	60,6	61,4	63,4	61,9	62,4	72,1
Обрабатывающие производства	5,4	5,7	5,6	5,4	6,7	5,8	7,5
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	3,6	3,5	3,3	3,1	3,0	3,0	2,0
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3
Строительство	10,8	11,1	11,5	10,3	11,2	11,4	7,2
Оптовая и розничная торговля	6,5	6,6	6,3	5,8	5,7	5,5	3,2
Транспортировка и хранение	8,4	8,2	7,6	7,6	7,3	7,6	5,1
Деятельность в области информации и связи	1,0	1,0	0,9	0,9	0,9	0,9	0,6

Примечание. Источник: Росстат. Валовой региональный продукт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 02.08.2024).

Добыча полезных ископаемых занимает доминирующее положение в структуре ВДС реального сектора на Севере. Это обусловлено структурой экономики регионов Севера, которая в настоящее время позволяет сохранять высокую конкурентоспособность экономики [2].

Среди регионов Севера наиболее высокий уровень ВДС реального сектора в 2022 г. отмечен

в Ямало-Ненецком АО (96,6 %), Ненецком АО (95,5 %), Чукотском АО (95,4 %), Республике Саха (Якутия) (92,7 %) и Ханты-Мансийском АО (92,2 %), наименьший — в Архангельской области (65,5 %) и Республике Коми (75,3 %). В указанных регионах экономика более диверсифицирована.

Динамика валовой добавленной стоимости по России в целом также характеризовалась

## РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

повышением удельного веса реального сектора за 2016–2022 гг. Это было вызвано ростом удельного веса добывающей и обрабатывающей промышленности и торговли. Обратная динамика наблюдалась в строительстве, оптовой и розничной торговле, ремонте автотранспортных средств и мотоциклов; транспортировке и хранении; сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве.

Сравнение структуры валовой добавленной стоимости реального сектора по России в целом и отдельно только по северным регионам за 2016–2022 гг. показывает, что в их структуре не произошли сильные изменения, только в большинстве отраслей удельные веса все же разные. Так, в 2022 г. для регионов Севера характерна высокая доля добычи полезных ископаемых, но низкая — обрабатывающей промышленности, строительства, оптовой и розничной торговли, транспорта и хранения. Несколько обобщая, можно отметить, что ВДС реального сектора на Севере в основном сформировалась за счет лишь одного вида деятельности — добычи полезных ископаемых (72,1 % в 2022 г.). Для сравнения: по России в целом ВДС была сформирована за счет трех отраслей, таких как добывающая (21,2 %) и обрабатывающая (23,9 %) промышленность, а также торговля (21,9 %). Согласно нашим прогнозам, подобная отраслевая структура сохранится и в ближайшей перспективе. Для регионов Севера это можно считать вполне нормальным.

Подытоживая, отметим, что, анализ отраслевой структуры показывает, что в северных регионах, как и по России в целом, роль данного сектора в структуре экономики очень высока, причем доминирующее положение занимает отрасль добычи полезных ископаемых. Это связано с развитостью сырьевых отраслей, что одновременно является и конкурентным преимуществом регионов. Реализация этого конкурентного преимущества сдерживает спад, свидетельством чему является динамика как в период пандемии, так и в современный период международных санкций.

**Динамика темпов роста ВДС.** Динамика ВДС реального сектора северных регионов была неустойчива за 2017–2022 гг. (табл. 2). Индексы физического объема дважды опускались ниже 100 %, хотя позднее, в 2021 и 2022 гг., они выросли. В первом случае падение вызвала динамика таких отраслей, как обрабатывающие производства; сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; строительство; оптовая и розничная торговля. В 2020 г. спад был связан с динамикой таких отраслей, как сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; оптовая и розничная торговля; транспортировка и хранение; деятельность в области информации и связи. Следует отметить, что основной причиной спада в вышеотмеченных отраслях в последний год была пандемия коронавирусной инфекции.

Таблица 2

Темпы роста валовой добавленной стоимости по отраслям реального сектора экономики регионов Севера за 2017–2022 гг., % к предыдущему году

Отрасль	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Экономика, всего	100,9	103,0	101,5	97,3	106,1	97,7
Реальный сектор экономики, всего	102,5	102,1	98,9	98,8	105,7	100,1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	111,4	105,2	91,0	98,4	108,2	89,6
Добыча полезных ископаемых	100,8	104,6	108,0	99,3	105,8	91,0
Обрабатывающие производства	106,0	101,3	98,9	106,8	98,2	101,9
Обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха	100,9	99,4	97,6	97,9	100,5	98,1
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	99,9	100,3	96,6	103,8	104,4	102,2
Строительство	100,6	107,1	93,6	100,9	116,6	114,9
Оптовая и розничная торговля	103,6	100,9	98,3	95,1	103,8	99,7
Транспортировка и хранение	104,3	99,1	105,2	91,2	107,9	103,8
Деятельность в области информации и связи	95,3	100,7	101,5	95,9	105,9	99,8

Примечание. Источник: рассчитано по данным: Росстат. Валовой региональный продукт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts> (дата обращения: 02.08.2024).

## РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

В 2022 г. в условиях СВО отмечены околонулевые темпы роста ВДС реального сектора в целом по Северу, что обусловлено положительной динамикой темпов следующих отраслей: строительство; транспортировка и хранение; обрабатывающая промышленность; водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизация отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха. Сдерживающей была динамика таких отраслей, как добыча полезных ископаемых; сельское; лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; оптовая и розничная торговля; деятельность в области информации и связи; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха.

Среди регионов самые большие темпы роста добавленной стоимости в 2022 г. показали Ненецкий АО (111,4 %), Республика Саха (Якутия) (105,3 %), Ямало-Ненецкий АО (104,5 %), Чукотский АО (104,3 %), Ханты-Мансийский АО (102,2 %), Сахалинская область (101,9 %), Магаданская область (100,9 %). Препятствующим фактором высоких темпов роста стала отрицательная динамика у таких регионов, как Камчатский край (91,1 %), Мурманская область (93,1 %), Республика Коми (94,7 %), Республика Карелия (95,7 %), Архангельская область (97,3 %). В целом спад в вышеуказанных регионах обусловлен беспрецедентными санкционными ограничениями в финансовой и экономической сферах, изменением логистики внешнего товарооборота, приостановкой/уходом зарубежных компаний с российского рынка, нарушением производственно-технологических цепочек.

В 2022 г. отмечен глубокий спад добывающей промышленности, обусловленный становлением новых экспортных рынков. Объем добычи нефти в физическом выражении снизился по сравнению с предыдущим годом, но высокие цены на товары поддержали стоимостной объем экспорта. Основная причина падения объема добычи нефти в 2022 г. — отказ зарубежных контрагентов от продолжения сотрудничества с отечественными компаниями.

Кроме этого, негативное влияние оказала договоренность ОПЕК+ в части лимита на добычу нефти в России. Она действовала до завершения 2022 г. В сфере добычи газа рост был обеспечен поставками в Китай (использовался трубопровод «Сила Сибири»). Немалую роль сыграл и восстановительный рост российской экономики после 2020 г. Увеличение спроса на уголь на мировых рынках поддержало рост его добычи в регионах России [35].

В 2022 г. глубокий спад ДС данного сектора вызван отрицательными темпами роста в таких регионах,

как Чукотский АО (69,7 %), Мурманская область (68,0 %), Республика Карелия (77,7 %), Магаданская область (88,1 %), Камчатский край (89,4 %), Архангельская область (90,1 %), Сахалинская область (91,9 %), Ямало-Ненецкий АО (96,3 %). В целом такое падение было вызвано частичной реализацией санкционных ограничений в экономике и финансовой сфере. Следует заметить, что за этот год положительные темпы роста имели Ненецкий АО (111,9 %), Республика Коми (103,8 %), Ханты-Мансийский АО (103,6 %), Республика Саха (Якутия) (101,0 %), что связано с нахождением здесь предприятий добывающих отраслей.

В 2017–2022 гг. неустойчивой рост ДС реального сектора показали обрабатывающие производства на Севере. Индекс производства здесь в 2019 и 2021 гг. опускался ниже 100 %, а в 2022 г. возрос незначительно. В 2022 г. положительное влияние на темп роста инвестиций оказали следующие отрасли и связанные с ними обстоятельства: пищевая, текстильная промышленность; химическая промышленность; резко возросший спрос на внутреннем рынке как следствие ухода зарубежных компаний из-за начала СВО. Препятствовали динамичному росту санкции и нарушение логистики [35].

Следует отметить, что в 2022 г. сдерживающее влияние на рост ДС в обрабатывающей промышленности оказывали отрицательные темпы в следующих отраслях: обработка древесины и производство изделий из дерева; целлюлозно-бумажное производство; производство прочих неметаллических минеральных продуктов, а также производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования.

За 2022 г. положительное влияние оказали темпы роста обрабатывающих производств в следующих регионах: Магаданская область (131,1 %), Чукотский АО (130,4 %), Ямало-Ненецкий АО (115,7 %), Ненецкий АО (109,8 %), Ханты-Мансийский АО (103,6 %). Отрицательные темпы роста имели Республика Карелия (75,8 %), Камчатский край (77,5 %), Архангельская область (92,8 %), Республика Саха (Якутия) (96,4 %), Республика Коми (96,8 %), Мурманская область (97,8 %), Сахалинская область (99,2 %). Эти регионы задерживали высокие темпы роста добавленной стоимости в целом по Северу.

В 2017–2022 гг. среди отраслей реального сектора регионов Севера самый высокий рост отмечен в ДС в отрасли строительства. Он был особенно высок в последние два года. Рост темпов связан с активизацией деятельности в жилищном строительстве и промышленной сфере (проекты по добыче полезных ископаемых), с увеличением финансирования нацпроекта «Безопасные качественные

## РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

дороги», созданием объектов инфраструктуры в регионах.

В 2022 г. в начале проведения СВО темпы роста строительной отрасли на Севере продолжали расти, однако после 8 месяцев они начали падать, что обусловлено упадком покупательной способности населения, образованием слишком большого числа свободных площадей от ушедших иностранных компаний и российских предприятий-банкротов из-за санкционных ограничений [34]. Среди регионов наибольшие темпы роста ДС в 2022 г. наблюдались в Чукотском АО (168 %), что связано с созданием инфраструктуры для Баимского ГОКа, в Республике Саха (Якутия) (141,8 %), Ненецком АО (130,5 %), Магаданской области (129,5 %), Республике Карелия (116,5 %), Камчатском крае (116,3 %), Ямало-Ненецком АО (112,9 %), Ханты-Мансийском АО (104 %). Такие высокие темпы в этих регионах, в частности в дальневосточных, обусловлены реализацией инвестиционных промышленных проектов, а также льготной дальневосточной ипотекой. Отрицательные темпы добавленной стоимости имели Республика Коми (84,1 %), Архангельская область (89,5 %), Сахалинская область (89,3 %), Мурманская область (95,8 %), что в основном вызвано падением спроса населения и предприятий, а также повышением ставки ипотечного кредитования из-за санкционных ограничений недружественных стран. В целом вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что развитие строительной отрасли происходило лучше, чем других отраслей реального сектора регионов Севера в условиях начала СВО.

В 2017–2022 гг. наблюдалось незначительное снижение темпов роста ДС в оптовой и розничной торговле в целом по Северу, причем оно в 2019, 2020 и 2022 гг. было отрицательным. В 2022 г. в основном спад был обусловлен падением объема ДС в Республике Коми, который составил 90,1 %, Камчатском крае (95,3 %), Ханты-Мансийском АО (97,8 %). Причинами этого стали нарушения в логистике и падение реальных доходов. Резкий спад смягчили положительные темпы роста в Республике Саха (Якутия) (108,5 %), Ямало-Ненецком АО (103,3 %), Ненецком АО (102,7 %) и Мурманской области (102,3 %). Им способствовали относительно высокие доходы населения, связанные с нахождением здесь высокодоходных предприятий.

Темпы роста добавленной стоимости в транспортировке и хранении в целом по Северу за 2017–2022 гг. были также неустойчивыми. В 2019 и 2020 гг. они были отрицательными вследствие пандемии коронавируса, но далее — положительными. Несмотря на сложности в 2022 г. в условиях СВО динамика ДС в этой отрасли столкнулась с санкционными вызовами, затронувшими

все виды транспорта, особенно связанные с международной деятельностью. Как следствие, была нарушена логистика поставок. Внешнеторговые потоки грузов стали уходить с европейских рынков на ближневосточные и азиатские [35]. Среди регионов с наибольшими темпами роста ДС в транспортировке и хранении в 2022 г. выделим такие регионы, как Ненецкий АО (127,6 %), Магаданская область (113,9 %), Республика Карелия (111,1 %), Сахалинская область (108,3 %), Чукотский АО (108,0 %), Мурманская область (103,2 %), Ямало-Ненецкий АО (102,8 %), Республика Саха (Якутия) (101,3 %), Ханты-Мансийский АО (101 %), Республика Коми (100,9 %). Отрицательные темпы роста были только в Камчатском крае (94,5 %) и Архангельской области (99,7 %). В целом эти данные свидетельствуют о том, что данная отрасль с первого года проведения СВО адаптируется к санкционным ограничениям недружественных стран.

### Выводы

Проведенный анализ динамики и структуры ВДС реального сектора экономики позволяет сформулировать следующие выводы:

- реальный сектор экономики объединяет отрасли по производству товаров и услуг. Среди них исключаются те, в которых проводятся финансовые и бюджетные операции. Основным критерий реального сектора — создание добавленной стоимости или стоимости товаров и услуг;

- высокий уровень ДС в реальном секторе в северных регионах объясним развитостью добывающих отраслей. При этом сложившуюся структуру экономики на Севере нужно относить к конкурентным преимуществам данных территорий. Реализация такого преимущества особо значима в условиях экономического и финансового кризиса. Этот тезис подтверждает прошедшие и нынешняя кризисная ситуации на фоне введения международных санкций;

- наряду с большим объемом ВДС реального сектора экономики в целом по регионам Севера за 2017–2022 гг. умеренно увеличились его темпы роста, хотя два года они были отрицательные. Такая динамика ВДС для северных регионов является в целом неплохим показателем, который обеспечивал развитие экономики в условиях жесткой конкуренции между регионами;

- причинами удержания околонулевых темпов роста ВДС реального сектора в целом по Северу в 2022 г. в условиях СВО явились в основном высокие темпы роста строительства, транспортировки и хранения и обрабатывающих производств. Сдерживающими факторами роста были отрасли с отрицательными темпами — добыча полезных

## РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ И СЕКТОРОВ ЭКОНОМИКИ НА СЕВЕРЕ И В АРКТИКЕ РОССИИ

ископаемых; сельское хозяйство и оптовая и розничная торговля;

- в разрезе регионов Севера наиболее высокие темпы роста ДС реального сектора в 2022 г. имели Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО, Ханты-Мансийский АО, Сахалинская и Магаданская области, отрицательные — Камчатский край, Мурманская область, Республика Коми, Республика Карелия, Архангельская область. Они были обусловлены беспрецедентными санкционными ограничениями в финансовой и экономической сферах, изменением логистики внешнего товарооборота, приостановкой/уходом зарубежных компаний с российского рынка, нарушением производственно-технологических цепочек;

- глубокий спад ДС в добыче полезных ископаемых в целом по северным регионам в условиях СВО в основном связан с формированием новых направлений экспорта топливно-энергетических товаров. В добыче газа рост в 2022 г. был обеспечен поставками в Китай по трубопроводу «Сила Сибири» и в меньшей степени внутренним спросом;

- глубокий спад в 2022 г. ДС обрабатывающих производств реального сектора в целом по регионам Севера связан с санкциями и сменой логистики поставок. Положительное влияние на темпы роста ДС обрабатывающих производств оказали высокие темпы в Магаданской области, Чукотском АО, Ямало-Ненецком АО, Ненецком АО, Ханты-Мансийском АО;

- среди отраслей ДС реального сектора северной экономики в 2022 г. самые высокие темпы роста показала отрасль строительства. Они были связаны с активизацией деятельности в жилищном строительстве и промышленной сфере (проекты по добыче полезных ископаемых), увеличением финансирования нацпроекта «Безопасные качественные дороги», созданием объектов инфраструктуры в регионах. Среди регионов самые высокие темпы

роста в 2022 г. были зафиксированы в Чукотском АО (создание инфраструктуры для Баимского ГОКа), Республике Саха (Якутия), Ненецком АО, Магаданской области, Республике Карелия, Камчатском крае, Ямало-Ненецком АО и Ханты-Мансийском АО.

Таким образом, в целях совершенствования стратегий социально-экономического развития государственным и муниципальным органам власти, а также бизнес-сообществу следует принять во внимание отмеченные выше недостатки в темпах роста валовой добавленной стоимости отраслей и регионов.

Основные выводы и перспективы исследования заключаются в предложении практических рекомендаций, направленных на обеспечение устойчивого роста ВДС реального сектора, которые могут быть использованы для выработки социально-экономической политики регионов при совершенствовании механизмов достижения динамического экономического роста и повышения уровня и качества жизни населения регионов Севера.

Выводы по итогам выполненного исследования лягут в основу дальнейших работ, рассматривающих состояние и основные тенденции в экономической динамике северных регионов России. К направлениям будущих исследований относится выяснение перспектив экономического роста северных регионов и их возвращения на траекторию устойчивого развития в условиях санкционных ограничений и нарушения производственно-технологических цепочек. Интерес представляет определение того, как большой удельный вес отраслей реального сектора и изменения отраслевой структуры валовой добавленной стоимости отразились на состоянии основных факторов производства, учитывая разное влияние внешних вызовов на состояние различных видов экономической деятельности.

#### Список источников

- Gadzhiev, J. A. The Real Sector of the Economy of the Komi Republic in Modern Conditions // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration. 2023. № 64 (2). DOI: 10.34660/INF.2023.21.91.074.
- Гаджиев Ю. А. Роль реального сектора в экономике Республики Коми // Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика. Сборник трудов VII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования Якутской АССР / отв. редактор Е. Э. Григорьева. Якутск, 2022. С. 284–291.
- Каткова М. А. Устойчивость институциональной системы // Вестник СГСЭУ. 2010. № 1 (30). С. 42–44.
- Экономика / под ред. А. С. Булатова. 2-е изд. М., 1999.
- Мюллер В. К. Англо-русский словарь. 20-е изд. М., 1985.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка. 18-е изд. М., 1986.
- Тимушев Е. Н. Реальный сектор северной экономики: отказ от диверсификации? // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 4. С. 249–264.
- Суворов Н. В. Методы и результаты макроэкономического анализа эффективности производства в реальном секторе отечественной экономики // Проблемы прогнозирования. 2008. № 3 (108). С. 3–16.
- Савчишина К. Е., Сулягин В. С. Сфера услуг в современном воспроизводственном процессе в российской экономике // Проблемы прогнозирования. 2009. № 4. С. 46–61.

10. Кирдина С. Г. Институциональные модели финансирования реального сектора // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 2 (18). С. 129–155.
11. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А. Г. Грязновой. М.: Фин. и стат., 2002.
12. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 2007. С. 500.
13. Зеленский Ю. Б. Банковская система России и реальный сектор экономики. Саратов, 2002. 340 с.
14. Родина И. Б. Концептуальные основы развития реального сектора национальной экономики России в условиях глобальной конкуренции: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2007. 47 с.
15. Реальный сектор экономики России: стратегии управления, инвестиции и инновации. М.: Издательство «Перо», 2016. 215 с.
16. Akinlo T. The causal relationship between financial development and real sector in sub-Saharan Africa (1986–2015) // Journal of Social and Economic Development. 2019. No. 21 (1). P. 116–142. <https://doi.org/10.1007/s40847-019-00073-1>.
17. Asamoah M. E., Alagidede I. P. Foreign direct investment, real sector growth and financial development // International Journal of Finance & Economics. 2023. No. 28 (1). P. 626–643. <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/ijfe.2440>.
18. Asamoah M. E., Alagidede I. P., Adu F. Private Capital Flows, Real Sector Growth and Institutional Quality in Africa // Journal of International Development. 2021. No. 33 (1). P. 171–207. <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/jid.3518>.
19. Égert B., Sutherland D. The Nature of Financial and Real Business Cycles: The Great Moderation and Banking Sector Pro-Cyclicality // Scottish Journal of Political Economy. 2014. No. 61 (1). P. 98–117. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/sjpe.12036>.
20. Fan R., Xie X., Wang Y., Lin J. Effect of financial contagion between real and financial sectors on asset bubbles: A two-layer network game approach // Managerial and Decision Economics. 2024. n/a (n/a). <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/mde.4381>.
21. Feriansyah F., Achsani N.A., Irawan T., Anggraeni L. The Impact of Fiscal and Monetary Policies on the Real Sector under Globalization // Emerging Markets Finance and Trade. 2022. No. 58 (4). P. 1103–1124. <https://doi.org/10.1080/1540496X.2021.1949281>.
22. Ferraris L. E. O., Minetti R. Foreign Lenders and the Real Sector // Journal of Money, Credit and Banking. 2007. No. 39 (4). P. 945–964. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2007.00052.x>.
23. Liang S., Xue W., Yang D. Can government supervision alleviate the deviation of enterprises from the real economy to the financial sector: Evidence from China // Economics & Politics. 2024. No. 36 (2). P. 989–1019. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/ecpo.12279>.
24. Raghutla C., Chittedi K. R. Financial development, real sector and economic growth: Evidence from emerging market economies // International Journal of Finance & Economics. 2021. No. 26 (4). P. 6156–6167. <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/ijfe.2114>.
25. Silva T. C., Muniz F. J., Tabak B. M. Indirect and direct effects of the subprime crisis on the real sector: labor market migration // Empirical Economics. 2022. No. 62 (3). P. 1407–1438. <https://doi.org/10.1007/s00181-021-02051-1>.
26. Zhang Z., Ma C., Hu H., Li H. Will infectious disease outbreaks cause a decline in investment of real sector firms? Evidence from 2003 SARS outbreak in China // Applied Economics. 2021. No. 53 (59). P. 6820–6838. <https://doi.org/10.1080/00036846.2021.1949431>.
27. Миронов В. В. Воздействие экономического кризиса на реальный сектор экономики России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 3–4. С. 216–225.
28. Маевский В. И. Реальный сектор и банковская система // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. № 1–2. С. 245–248.
29. Стародубровский В. Куда несет нас рок событий? Российская экономика в 2011 году (окончание) // Экономическая политика. 2012. № 3. С. 127–172.
30. Экономика России в 2017–2019 годах: предпосылки для прорыва пока не созданы / А. А. Френкель, Я. В. Сергиенко, Б. И. Тихомиров, А. А. Сурков // Экономическая политика. 2018. Т. 13, № 5. С. 24–49. DOI 10.18288/1994-5124-2018-5-24-49.
31. Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 42) / коллектив авторов; Институт Гайдара. М., 2021. 712 с.
32. Кувалин Д. Б., Моисеев А. К. Российские предприятия весной 2015 г.: реакция на валютный шок и деятельность в условиях экономического спада // Проблемы прогнозирования. 2015. № 6 (153). С. 146–161.
33. Балаганский С. П. Реальный сектор экономики как объект экономического анализа // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 1 (40). С. 9–12.
34. Гаджиев Ю. А. Реальный сектор экономики Севера: содержание и особенности функционирования // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера — 2022: Сборник статей Восьмой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Сыктывкар, 21–23 сентября 2022 года. В 2 ч. Иркутск: ООО «Максима», 2022. Ч. 2. С. 247–254.
35. Российская экономика в 2022 году. Тенденции и перспективы (Вып. 44). М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2023. 556 с.

## References

1. Gadzhiev J. A. The Real Sector of the Economy of the Komi Republic in Modern Conditions. *Scientific research of the SCO countries: synergy and integration*, 2023, no. 64 (2). DOI: 10.34660/INF.2023.21.91.074.
2. Gadzhiev Yu. A. Rol' real'nogo sektora v ekonomike Respubliki Komi. Ustoichiviy Sever: obshchestvo, ekonomika, ekologiya, politika [The role of the real economy of the Komi Republic. Sustainable North: Society, economy, ecology, politics]. *Sbornik trudov VII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya Yakutskoi ASSR* [Proceedings of the VII All-Russian Research-to-Practice Conference dedicated to the 100th anniversary of the formation of the Yakut ASSR]. Yakutsk, 2022, pp. 284–291. (In Russ.).
3. Katkova M. A. Ustoichivost' institutsional'noi sistemy [Stability of the institutional system]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Socio-Economic University], 2010, no. 1 (30), pp. 42–44. (In Russ.).
4. *Ekonomika* [Economics]. Bulatov A. S. (ed.). Moscow, 1999. (In Russ.).
5. Myuller V. K. *Anglo-russkii slovar'* [English-Russian dictionary]. Moscow, 1985. (In Russ.).
6. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1986. (In Russ.).
7. Timushev Ye. N. Real'nyi sektor severnoi ekonomiki: otказ ot diversifikatsii? [Real sector of the northern economy: Farewell to diversification?]. *Vestnik PNIPIU. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [PNIRPU Sociology and Economics Bulletin], 2022, no. 4, pp. 249–264. (In Russ.).
8. Suvorov N. V. Metody i rezul'taty makroekonomicheskogo analiza effektivnosti proizvodstva v real'nom sektore otechestvennoi ekonomiki [Macroeconomic analysis of production efficiency in the real sector of the national economy: Methods and results]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2008, no. 3 (108), pp. 3–16. (In Russ.).
9. Savchishina K. E., Sutyagin V. S. Sfera uslug v sovremennom vosproizvodstvennom protsesse v rossiiskoi ekonomike [The service sector and the economic reproduction of the Russian economy]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2009, no. 4, pp. 46–61. (In Russ.).
10. Kirdina S. G. InstitutSIONAL'nye modeli finansirovaniya real'nogo sektora [Institutional models for financing the real sector]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2013, no. 2 (18), pp. 129–155. (In Russ.).
11. *Finansovo-kreditnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Credit and finance: An encyclopedic dictionary]. A. G. Gryaznova (ed.). Moscow, Fin. i stat., 2002. (In Russ.).
12. Raizberg B. A., Lozovskii L. Sh., Starodubtseva E. B. *Sovremennyyi ekonomicheskii slovar'* [Modern economic dictionary]. Moscow, 2007, 500 p. (In Russ.).
13. Zelenskii Yu. B. *Bankovskaya sistema Rossii i real'nyi sektor ekonomiki* [The banking system of Russia and the real economy]. Saratov, 2002, 340 p. (In Russ.).
14. Rodina I. B. *Kontseptual'nye osnovy razvitiya real'nogo sektora natsional'noi ekonomiki Rossii v usloviyakh global'noi konkurentsii: avtoref. dis. ... d-ra ekon. nauk* [Conceptual foundations for the development of the real sector of the national economy of Russia in the context of global competition. Dr. Sc. (Economics) diss. abstract]. Moscow, 2007, 47 p. (In Russ.).
15. *Real'nyi sektor ekonomiki Rossii: strategii upravleniya, investitsii i innovatsii* [The real sector of the Russian economy: Management strategies, investments, and innovations]. Moscow, Pero, 2016, 215 p. (In Russ.).
16. Akinlo T. The causal relationship between financial development and real sector in sub-Saharan Africa (1986–2015). *Journal of Social and Economic Development*, 2019, no. 21 (1), pp. 116–142. <https://doi.org/10.1007/s40847-019-00073-1>.
17. Asamoah M. E., Alagidede I. P. Foreign direct investment, real sector growth and financial development. *International Journal of Finance & Economics*, 2023, no. 28 (1), pp. 626–643. <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/ijfe.2440>.
18. Asamoah M. E., Alagidede I. P., Adu F. Private Capital Flows, Real Sector Growth and Institutional Quality in Africa. *Journal of International Development*, 2021, no. 33 (1), pp. 171–207. <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/jid.3518>.
19. Égert B., Sutherland D. The Nature of Financial and Real Business Cycles: The Great Moderation and Banking Sector Pro-Cyclicality. *Scottish Journal of Political Economy*, 2014, no. 61 (1), pp. 98–117. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/sjpe.12036>.
20. Fan R., Xie X., Wang Y., Lin J. Effect of financial contagion between real and financial sectors on asset bubbles: A two-layer network game approach. *Managerial and Decision Economics*, 2024, n/a (n/a). <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/mde.4381>.
21. Feriansyah F., Achsani N. A., Irawan T., Anggraeni L. The Impact of Fiscal and Monetary Policies on the Real Sector under Globalization. *Emerging Markets Finance and Trade*, 2022, no. 58 (4), pp. 1103–1124. <https://doi.org/10.1080/1540496X.2021.1949281>.

22. Ferraris L. E. O., Minetti R. Foreign Lenders and the Real Sector. *Journal of Money, Credit and Banking*, 2007, no. 39 (4), pp. 945–964. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/j.1538-4616.2007.00052.x>.
23. Liang S., Xue W., Yang D. Can government supervision alleviate the deviation of enterprises from the real economy to the financial sector: Evidence from China. *Economics & Politics*, 2024, no. 36 (2), pp. 989–1019. <https://doi.org/https://doi.org/10.1111/ecpo.12279>.
24. Raghutla C., Chittedi K. R. Financial development, real sector and economic growth: Evidence from emerging market economies. *International Journal of Finance & Economics*, 2021, no. 26 (4), pp. 6156–6167. <https://doi.org/https://doi.org/10.1002/ijfe.2114>.
25. Silva T. C., Muniz F. J., Tabak B. M. Indirect and direct effects of the subprime crisis on the real sector: labor market migration. *Empirical Economics*, 2022, no. 62 (3), pp. 1407–1438. <https://doi.org/10.1007/s00181-021-02051-1>.
26. Zhang Z., Ma C., Hu H., Li H. Will infectious disease outbreaks cause a decline in investment of real sector firms? Evidence from 2003 SARS outbreak in China. *Applied Economics*, 2021, no. 53 (59), pp. 6820–6838. <https://doi.org/10.1080/00036846.2021.1949431>.
27. Mironov V. V. Vozdeistvie ekonomicheskogo krizisa na real'nyi sektor ekonomiki Rossii [The impact of the economic crisis on the real sector of the Russian economy]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2009, no. 3–4, pp. 216–225. (In Russ.).
28. Maevskii V. I. Real'nyi sektor i bankovskaya sistema [The real sector and the banking system]. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], 2009, no. 1–2, pp. 245–248. (In Russ.).
29. Starodubrovskii V. Kuda neset nas rok sobytii? Rossiiskaya ekonomika v 2011 godu (okonchanie) [Where are the current events taking us? The Russian economy in 2011]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2012, no. 3, pp. 127–172. (In Russ.).
30. Frenkel' A. A., Sergienko Ya. V., Tikhomirov B. I., Surkov A. A. Ekonomika Rossii v 2017–2019 godakh: predposylki dlya proryva poka ne sozdany [The Russian economy in 2017–2019: The prerequisites for a breakthrough have not yet been created]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic Policy], 2018, no. 13 (5), pp. 24–49. DOI 10.18288/1994-5124-2018-5-24-49. (In Russ.).
31. *Rossiiskaya ekonomika v 2020 godu. Tendentsii i perspektivy (Vypusk 42)* [The Russian economy in 2020. Trends and prospects (Issue 42)]. Moscow, Gaidar Institute, 2021, 712 p. (In Russ.).
32. Kuvalin D. B., Moiseev A. K. Rossiiskie predpriyatiya vesnoi 2015 g.: reaktsiya na valyutnyi shok i deyatelnost' v usloviyakh ekonomicheskogo spada [Russian enterprises in the spring of 2015: Reaction to monetary shock and activities in the context of the recession]. *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2015, no. 6 (153), pp. 146–161. (In Russ.).
33. Balaganskii S. P. Real'nyi sektor ekonomiki kak ob'ekt ekonomicheskogo analiza [The real economy as an object of economic analysis]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Socio-Economic University], 2012, no. 1 (40), pp. 9–12. (In Russ.).
34. Gadzhiev Yu. A. Real'nyi sektor ekonomiki Severa: sodержanie i osobennosti funktsionirovaniya [The real economy of the North: Structure and functioning]. *Aktual'nye problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditel'nykh sil Severa — 2022: Sbornik statei Vos'moi Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). Syktyvkar, 21–23 sentyabrya 2022 goda. V 2 ch. Ch. 2* [Current issues, directions and mechanisms for the development of productive forces of the North — 2022: Proceedings of the Eighth All-Russian Research-to-Practice Conference (with international participation). Syktyvkar, September 21-23, 2022. In 2 volumes. Volume 2]. Irkutsk, ООО “Максима”, 2022, pp. 247–254. (In Russ.).
35. *Rossiiskaya ekonomika v 2022 godu. Tendentsii i perspektivy (Vyp. 44)* [The Russian economy in 2022. Trends and prospects (Issue 44)]. Moscow, Gaidar Institute, 2023, 556 p. (In Russ.).

#### Об авторе:

Ю. А. Гаджиев — канд. экон. наук, старший научный сотрудник.

#### About the author:

Yu. A. Gadzhiev — PhD (Economics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 08 октября 2024 года.

Статья принята к публикации 22 ноября 2024 года.

The article was submitted on October 08, 2024.

Accepted for publication on November 22, 2024.